

Глава 15

«А если Цзи Сюнь снова заведет речь о "совершении брака", что мне тогда делать?»

Чу Чжаохуай так и не успел придумать достойный ответ — его размышления прервал яростный, оглушительный рев:

— Цзи И! Ты избил человека до полусмерти! Я непременно доложу об этом Государю, тебе это так просто с рук не сойдет!

«Драка?»

Юноша, недолго думая, поспешил на шум — посмотреть, что происходит.

Павильон, где только что шла игра, превратился в настоящие руины: одна створка двери сорвана с петель, пол усыпан осколками фарфора и обломками мебели. Среди этого хаоса с закрытыми глазами лежал молодой господин Цинь — тот самый, что кричал громче всех. Голова его была залита кровью.

Лекарь невольно восхитился:

«Надо же, какое истинное благородство у столичных щеголей — спят где придется»

Другой молодой господин, тоже с разбитой головой, трясся от гнева и, едва не плача, обращался к Третьему принцу:

— Ваше Высочество, Вы должны рассудить нас! Циня избили до потери...

Договорить он не успел. Лян Фан, которого Цзи И до этого заботливо прикрывал спиной, вдруг пошатнулся и рухнул мешком.

В обморок.

Чу Чжаохуай: «...»

Шицзы и сам изрядно пострадал: губа разбита, кровь сочится, а на красивом лице живого места нет.

Увидев падение товарища, наследник тут же бросился к нему, подхватывая под руки, и запричитал с нескрываемой мукой в голосе:

— Лян Фан! Лян Фан, что с тобой?! Скорее к берегу! Господин Лян испускает дух!

Все присутствующие: «...»

Прежде чем остальные успели опомниться, Цзи И, следуя лучшему правилу нападения, заговорил первым, исполненный праведного негодования:

— Господин Лян Фан — особа высочайшего достоинства! Сын Учан-вана, потомок заслуженных героев империи! И вы... вы забили его до предсмертного состояния! Я непременно донесу об этом до самого двора! Вы за всё поплатитесь!

У его противников едва кровь горлом не пошла от такой наглости. Они воззрились на Третьего принца:

— Ваше Высочество! Это же... это же наши слова!

Лян Фан действительно был сыном Учан-вана. И хотя в столице он вел себя тише воды, ниже травы, статус его был неоспорим. К тому же все знали о его слабом здоровье, так что в завязавшейся свалке никто и пальцем не решился его тронуть.

Учан-ван был титулованным князем, чьи владения находились в области Юаньчуань, отделенной от Цзиньлина лишь хребтом Улин. Вся семья князя годами охраняла границы в своих землях, и только Лян Фан жил в столице — фактически в качестве заложника.

Случись с ним что — перед Учан-ваном будет не оправдаться.

Но ведь в недавней потасовке Шицзы сам едва не размазал их по стенке! И это молодой господин Цинь сейчас при смерти, а вовсе не Лян Фан!

Цзи И продолжал надрываться:

— Лян Фан! О, Лян Фан, какая ужасная смерть! Эти душегубы... не давай им покоя, даже когда станешь призраком!

Все присутствующие: «...»

Чу Чжаохуай смотрел на это, не скрывая изумления.

«А "наследничек"-то — наглец редкостный»

Лицо Лян Фана сияло здоровым румянцем, дыхание было ровным — никакой опасности для жизни не было и в помине, не говоря уже о каких-то призраках.

Третий принц, вдоволь насмотревшись на этот нелепый балаган, потер виски — голова у него разболелась немилосердно:

— А И, уймись хоть на минуту.

Цзи И помог Лян Фану подняться и, вдоволь наскандалившись, собрался уходить.

Но избитые юнцы не желали его так просто отпустить:

— Стой! Ты устроил погром, избил людей и думаешь, что всё закончится миром?!

Наследник коснулся разбитой губы, поморщился. Его лицо, сохранившее черты фамильного сходства с Цзи Сюнем, в этот миг приобрело пугающе жесткое выражение. Он небрежно усмехнулся, больше не желая притворяться:

— Да, сегодня я погулял на славу. Хотите — бегите домой, жалуйтесь и плачьте в подушку, а как выплачетесь — тащите своих папаш в усадьбу Цзин-вана, пусть пробуют требовать объяснений у моего отца.

Раз уж беда всё равно случилась, скрывать что-либо смысла не было.

«В конце концов, не убьет же меня отец»

Его противник вскипел:

— Ты!..

Цзи И хищно осклабился:

— Наследник будет ждать вас в любое время.

Бросив это, он под яростными взглядами толпы величественно удалился.

К этому времени судно уже пришвартовалось у берега озера Мин.

Чу Чжаохуай последовал за ним. Сначала он думал, что Лян Фан просто подыгрывает пасынку, но тот продолжал поддерживать друга под руку всю дорогу, и даже в карете Лян Фан не пришел в себя.

Едва они оказались в экипаже, скрытые от чужих глаз, Шицзы мгновенно растерял весь свой боевой пыл. Он скорчился, шипя сквозь зубы от боли, словно потревоженная гадюка.

— Будь они прокляты, эти выродки... Всё лицо мне испохабили. Надо было их всех там положить, до единого.

Чжаохуай всё еще присматривался к Лян Фану:

— Он что, и правда умирает?

Цзи И достал из ящичка маленькое медное зеркальце и принялся придирчиво осматривать ссадины.

— Спит он, — бросил он через плечо.

— Вот так сразу?

— Угу, — юноша нахмурился, ощупывая синяк на щеке. — Он с детства слабый. Имперские лекари говорят — сонная болезнь. Ничего страшного, привыкнешь.

Чжаохуай заинтересовался. Пока Шицзы сокрушался над своей внешностью, лекарь подсел поближе и коснулся запястья Лян Фана, проверяя пульс.

В медицинских трактатах он читал о летаргии, но видеть ее вживую еще не доводилось.

«Редкий случай...»

Однако, закончив осмотр, Чжаохуай мрачно нахмурился.

Какая еще сонная болезнь?

Это было обычное, планомерное отравление медленно действующим ядом.

Наследник отложил зеркальце и, заметив на его обороте гравировку «Цзин», невольно вздрогнул.

Стоило холодному ветру остудить его пыл, как страх перед отцом начал медленно, но верно возвращаться. Он мрачно посмотрел на Чжаохуая:

— Эй. Про то, что сегодня было... отцу ни слова.

Лекарь посмотрел на него, не зная, стоит ли говорить правду.

— Сомневаюсь, что у этих хлюпиков хватит духу явиться в усадьбу Цзин-вана за объяснениями, — рассуждал Цзи И. — Поживу пару дней у Лян Фана, пока раны не заживут, а там и вернусь...

Чжаохуай кашлянул и с сочувствием произнес:

— Поздно.

Юноша уставился на него:

— Что поздно?

— Стены там тонкие, — пояснил Чжаохуай. — Твой отец всё это время сидел в соседней комнате. Он слышал каждое твое слово.

Цзи И: «...»

Юноша едва не сполз на пол — его колени подогнулись сами собой, хотя отца и не было рядом. Он побледнел как полотно:

— Т-ты... ты правду говоришь?

— Чистую правду.

Шицзы замер, не в силах пошевелиться.

«Всё. Мне конец»

Тело его еще дышало, но душа уже раз семь успела покинуть его, превратившись в легкое облачко.

Чу Чжаохуай не считал Цзи Сюня таким уж страшным и искренне не понимал, почему пасынок так убивается. Князь вовсе не походил на того «Бога Несчастий», о котором твердила молва. Неужели наследник, живя под одной крышей с отцом, верит во все эти небылицы?

Цзи И, перепуганный до смерти, больше не помышлял о побеге. Вернувшись в поместье и устроив Лян Фана, он разыскал гибкую розгу и с видом человека, идущего на плаху, отправился в кабинет отца.

Чжаохуаю было ужасно любопытно, действительно ли князь станет пороть сына, поэтому он тенью последовал за ним.

Цзи Сюнь, сойдя на берег, видимо, успел уладить еще какие-то дела, поэтому вернулся в усадьбу лишь глубокой ночью.

В кабинете было светло.

Цзи И со следами побоев на лице стоял на коленях, выглядя так, словно хоронил всю родню. Услышав скрип колес инвалидного кресла, он вздрогнул всем телом и с глухим стуком прижался лбом к полу.

— Приветствую отца.

Задремавший было в углу Чу Чжаохуай резко очнулся и сонно пробормотал вслед за ним:

— Приветствую отца.

Цзи Сюнь окинул взглядом обоих «сыновей» и невозмутимо поинтересовался:

— Ну и что на этот раз?

Наследник замылся, что-то невнятно проямлив.

Цзи Сюнь сухо заметил:

— Не припомню, чтобы я учил тебя отвечать мне «комариным писком».

Юноша вздрогнул и, протягивая розгу на раскрытых ладонях, выдохнул со всей силой легких:

— Докладываю отцу! Я ввязался в драку. Пострадали сын помощника министра и младший сын герцога. Свидетелем был Третий принц.

Чу Чжаохуай, окончательно пробужденный этим «львиным рыком», зевнул и понуро наблюдал за происходящим.

Цзи Сюнь перевел взгляд на него:

— Ванфэй хочет спать?

В глазах Чжаохуая заблестели сонные слезы, он послушно кивнул:

— Есть немного.

Князь неторопливо взял розгу из рук сына:

— В таком случае, Ванфэй лучше вернуться в спальню.

Увидев, что Цзи Сюнь и впрямь намерен наказать Цзи И, Чжаохуай помедлил, но всё же решился вставить слово:

— Ванъе, не гневайтесь. Шицзы наверняка не хотел ничего дурного.

Наследник замер и изумленно поднял голову.

Цзи Сюнь усмехнулся:

— Вот оно как. Значит, Шицзы мирно играл в монеты, а молодой господин Цинь и сын герцога просто поскользнулись и ударились об его кулаки? Да так неудачно, что один впал в

беспамятство, а другой остался калекой? Так мне завтра и доложить Его Величеству?

Лицо Шицзы осунулось. Он бросил на Чжаохуаю предостерегающий взгляд, умоляя замолчать: не хватало еще, чтобы лекаря наказали вместе с ним.

Он снова склонился к самому полу — чтобы отцу было сподручнее бить.

— Прошу отца наказать меня.

Чжаохуай не обратил на знаки пасынка никакого внимания:

— Шицзы не стал бы драться без причины. Должно быть, эти люди наговорили каких-то гадостей.

Еще в павильоне он слышал, как те юнцы насмехались над Цзи И, но тот, несмотря на свою славу заносчивого гордеца, пропускал их слова мимо ушей, продолжая вежливо улыбаться.

Если уж он не вспылит, когда его в лицо называли никчемным, то не мог сорваться и избить их просто так.

Наследник, глядя на узоры каменных плит, замер.

В столице каждый знал, что наследник Цзин-вана — несносный задира, пользующийся грозным именем отца. При любом происшествии его вину признавали сразу, даже не пытаясь разобраться.

Впервые кто-то заступился за него.

В горле у юноши встал ком, но он, стиснув зубы, сдержался.

Цзи Сюнь опустил взгляд на сына:

— Ну, так скажи — почему ты пустил в ход кулаки?

Цзи И молчал.

Глядя на его упрямо склоненную голову, Цзи Сюнь, казалось, смягчился. Он лишь слегка коснулся розгой макушки сына:

— С завтрашнего дня каждое утро, в час Кролика, будешь приходить к Чжуншаню. Пусть займется твоим воинским искусством.

Наследник растерянно моргнул:

— А?

Цзи Сюнь отбросил розгу в сторону:

— Свободен.

Юноша сидел как громом пораженный.

И... и это всё?

Цзи Сюнь, словно и не собирался никого пороть, лениво перебирал в пальцах медные монеты, которые отзывались чистым, мелодичным звоном.

Заметив, что сын всё еще не уходит, он приподнял бровь:

— Что, недоволен, что остался без порки?

Цзи И тут же пришел в себя:

— Нет-нет! Сын уходит.

Не веря своей удаче, он облегченно выдохнул и, опираясь на затекшие колени, поднялся. Перед уходом он бросил короткий взгляд на Чу Чжаохуая.

Их прошлая встреча закончилась ссорой, и сегодня он сам хотел выставить этого человека на посмешище, но тот не только не затаил обиды, но и раз за разом помогал ему.

Юноша поджал губы.

«Раз этот лекарь только что спас меня от наказания, будет верхом неблагодарности тут же выдать отцу правду о том, что он — вовсе не "Чу Чжаоцзян"»

«Ладно. Пусть пока живет»

Завтра он найдет время поговорить с отцом.

Наследник молча поклонился и вышел.

Чу Чжаохуай облегченно вздохнул.

Цзи Сюнь, продолжая звенеть монетами, с двусмысленной улыбкой посмотрел на лекаря:

— Коль скоро Ванфэй так утомился, ступай отдыхать.

Воздух застрял у Чжаохуая в горле. Сонный туман в голове мгновенно рассеялся, и он, не подумав, выпалил:

— Ванфэй... Ванфэй бо-бо-больше не хочет спать!

Цзи Сюнь: «...»

<http://bllate.org/book/15341/1372778>